

Нордау Макс

Болезнь века

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М17

М17 **Макс Н.**
Болезнь века / Нордау Макс – М.: Книга по Требованию, 2022. – 652 с.

ISBN 978-5-521-25676-1

ISBN 978-5-521-25676-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Всѣ засмѣялись, а студентъ съ Рейна продолжалъ:

— Такъ пускай здѣсь корни въ то время, какъ мы пойдемъ дальше. Только смотри, не измѣняй себѣ. Помни, что все въ мірѣ похоже на призракъ, а слѣдовательно и брюнетки Шварцвальда. Желаетъ тебѣ всего лучшаго. Вспоминай иногда и о насъ, призрачныхъ людяхъ, готовыхъ навсегда сохранить къ тебѣ призракъ дружбы.

Спрошенный пожалъ ему и по-очереди другимъ руки, они обняли его, приподняли шапки, прокричали „ура!“ и поспѣшно отправились въ путь. Болѣе трогательную часть разлуки съ пѣснями и чувствительными рѣчами они продолжали въ гостиницѣ,—а потому расходились теперь съ безпечною и довѣрчивостію, которая такъ присущи молодости,—безъ грусти, обыкновенно являющейся при разлукѣ на неизвѣстное время, можетъ быть навсегда. Едва повернувшись къ покинутому товарищу, они запѣли „*Im fernen Waldf zc. Nifalou*“, утрируя въ исполненіи какъ печаль первой, такъ и веселый тонъ второй половины. Поворотъ дороги скрылъ ихъ изъ виду, но пѣніе ихъ, постепенно затихая, еще долго слышалось вдали.

Эта маленькая сценка призошла послѣ полудня въ августѣ 1869 г. на большой дорогѣ отъ Гаузаха къ Трибергу, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ отдѣляется дорога, идущая къ маленькому городку, Горнбергу, лежащему въ глубокой долинѣ. Ком-

панія состояла изъ молодыхъ гейдельбергскихъ докторовъ, различныхъ факультетовъ, собравшихся вмѣстѣ попутешествовать по южному Шварцвальду, чтобы отдохнуть отъ страховъ только что пережитыхъ экзаменовъ. Вначалѣ до Оффенбурга они совершили свое путешествіе очень прозаично по желѣзной дорогѣ, какъ и другіе путешественники. Оттуда, они, подобно канадскимъ лѣсоисслѣдователямъ, пустились въ дорогу по образу пѣшаго хожденія и въ первый же день достигли Гаслаха, идя все прямо, какъ летаютъ птицы. День они посвятили отдыху, встали на зарѣ и до наступленія жары, пройдя прелестную долину Кинцига, добрались до Горнберга. Здѣсь, соблазнившись вывѣской гостиницы, молодежь сдѣлала продолжительный привалъ. Видъ окрестностей былъ очаровательный. Дорога шла по скату горы, около половины ея высоты; съ одной стороны возвышались еще на нѣсколько сотъ футовъ отвѣсныя и покрытыя густымъ лѣсомъ вершины, а съ другой—гора переходила террасами въ широкую долину, съ протекавшей по ней рѣкою Гутахъ, которая мѣстами съ шумомъ и ревомъ пролагала себѣ путь между валунами, мѣстами тихо струилась посреди зеленыхъ лужаекъ. Внизу находился городокъ Горнбергъ съ небольшимъ числомъ кривыхъ улицъ и переулковъ, прелестной площадью, которую окружали старинная церковь, нѣсколько гостиницъ и довольно красивые дома съ магазинами. Можно

было видѣть каждый дворъ, заглянуть черезъ трубы почти въ каждый очагъ и между прочимъ наблюдать плаваніе и барахтаніе нѣкоторыхъ мальчиковъ въ школѣ плаванія, которою такъ хвалилось цивилизованное мѣстечко. По ту сторону долины возвышалась большая отвѣсная гора, по заросшему кустарникомъ склону которой зигзагами бѣжала бѣлая тропинка. На самой вершинѣ этой горы стоялъ большой домъ съ множествомъ оконъ; домъ этотъ поднимался совершенно вертикально надъ долиной, на высотѣ тысячи футовъ. Бѣлыя стѣны его рѣзко обрисовывались на темно-зеленомъ фонѣ елей и дѣлали его замѣтнымъ на разстояніи нѣсколькихъ миль. Гигантскія буквы, изображенныя на вывѣскѣ, свидѣтельствовали, что такъ смѣло и живописно построенный домъ носилъ названіе „Шлосъ-отель“. Мрачная, почернѣвшая отъ времени развалина круглой башни съ обвалившейся верхушкой, возвышавшейся тутъ-же за домомъ, объясняла это названіе. Далѣе за горой, выдѣлявшейся на фонѣ голубого неба, тонкими очертаніями поросшей лѣсомъ вершины, шли до самаго горизонта волнистые, покрытые лѣсомъ, хребты, которые направлялись съ сѣвера на югъ, подобно взволнованному морю съ его величественными волнами. За первымъ рядомъ шелъ второй, потомъ третій, четвертый и далѣе, куда хваталъ глазъ, смѣняли они другъ друга, становясь все свѣтлѣе и свѣтлѣе; тутъ была цѣлая гамма, дохо-

дившая отъ темно-зеленаго, синяго, фіолетоваго до туманно-сѣраго цвѣта вдали, отъ рѣзко обозначавшихся очертаній передняго плана до нижнихъ, какъ облако, неясностей на горизонтѣ.

Увидя эту картину, Эйнгардтъ сказалъ, что онъ не пойдетъ дальше. Другіе же рѣшили, въ тотъ же день добраться до Триберга и все итти впередъ до тѣхъ поръ, пока не выкупаются въ Боденскомъ озерѣ. А такъ какъ всѣ старанія уговорить Эйнгардта измѣнить его рѣшеніе оказались напрасными, то молодые люди рѣшили разстаться, и въ то время, какъ большинство изъ нихъ продолжало свой путь къ Трибергу, оставшійся спустился къ Горнбергу, чтобы оттуда подняться на другую сторону, къ гостиницѣ „Шлосъ-отель“.

Вильгельмъ Эйнгардтъ былъ двадцатичетырелѣтній юноша, высокаго роста, стройный и замѣчательно красивый. Глаза его были, хотя неособенно большіе, но миндалевидный разрѣзъ ихъ, темно-бархатный оттѣнокъ и глубоко вдумчивое выраженіе придавали имъ необыкновенную прелесть. Тонкія и черныя, какъ вороново крыло, брови дѣлали еще рѣзче нѣжную бѣлизну лба, обрамленнаго шапкою густыхъ, черныхъ, вьющихся волосъ, а покрытыя тонкимъ румянцемъ щеки еще не потеряли нѣжнаго пушка первой молодости. И врядъ ли кто могъ опредѣлить его возрастъ, еслибы не темно-каштановая борода, до которой

никогда не касалась бритва. Во всякомъ случаѣ это былъ очень оригинальный типъ, напоминавшій въ профиль Антиноя, а en face святого Себастіана на картинѣ Гвидо Рени въ музеѣ Капитолія. Лицо, полное самой благородной гуманности, безъ единой низкой черты, которая указывала бы на животныя склонности характера и, смотря на его спокойное и немного задумчивое выраженіе, невольно думалось, что человѣкъ этотъ далекъ отъ всего земного, которое рождается въ странѣ Веды и лотоса. Каждый съ перваго взгляда чувствовалъ къ нему симпатію, но тотчасъ невольно спрашивалъ самъ себя: будетъ ли эта чистая, прекрасная натура способна къ борьбѣ за существованіе? Въ университетѣ, благодаря своей женственной красотѣ, мягкости манеръ, отсутствію всякихъ мужскихъ привычекъ, какъ, напримѣръ, куреніе или употребленіе крѣпкихъ напитковъ, онъ уже получилъ прозвище „Вильгельмины“. Въ этой добродушной шуткѣ товарищей заключалось вполнѣ вѣрное сужденіе, если не о характерѣ его, то по крайней мѣрѣ о наружности.

Войдя во дворъ гостиницы „Шлосъ - отель“, Вильгельмъ на минуту остановился, чтобы перевести духъ. Направо отъ него возвышалось красивое новое зданіе, которое привлекло его вниманіе своими бѣлыми стѣнами и блестящими окнами, а налѣво красиво выдѣлялась круглая башня съ близкостоящей къ ней довольно большой стѣ-

ной, подъ защитой которой на маленькомъ досчатомъ помостѣ устроены были рѣшетчатые навѣсы, обвитые каприфоліемъ, тутъ стояли простые столы и скамейки. Нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ здѣсь и пившихъ вино и пиво, повидимому принадлежали къ числу обитателей гостиницы, они съ любопытствомъ посмотрѣли на новоприбывшаго. Толстый хозяинъ въ деревенскомъ платьѣ тотчасъ же выскочилъ изъ открытаго погреба, подошелъ къ Вильгельму, поздоровался съ нимъ и внимательно посмотрѣлъ своими добродушными голубыми глазами на шапку и ранецъ молодого чело-вѣка и сразу рѣшилъ съ кѣмъ имѣть дѣло; онъ ждалъ, чтобы Вильгельмъ заговорилъ съ нимъ первый.

— Могу я имѣть комнату, выходящую на долину?—спросилъ этотъ.

— Въ настоящую минуту нѣтъ,—отвѣтилъ хозяинъ, рѣзко, на шведскій манеръ, выговаривая гортанные звуки,—теперь у меня свободна только одна комната, да и та въ верхнемъ этажѣ. Но завтра или послѣ завтра многіе изъ постояльцевъ намѣреваются уѣхать, и тогда я буду имѣть возможность услужить вамъ.

На лицѣ Вильгельма промелькнула тѣнь неудовольствія, но не болѣе, какъ на мгновеніе, затѣмъ онъ сказалъ:

— Хорошо, я остаюсь.

— Багажъ?—спросилъ толстый хозяинъ, съ свойственнымъ ему лаконизмомъ.

— Онъ находится въ Гаслахѣ. Я сдѣлаю распоряженіе, чтобы мнѣ прислали его завтра.

— Берта!—крикнулъ хозяинъ такимъ громкимъ голосомъ, что его эхо отозвалось въ горахъ, а мужчины, сидѣвшіе подъ зеленымъ навѣсомъ, улыбнулись,—они, какъ видно, уже успѣли привыкнуть къ дикой манерѣ этого лѣсного обитателя. У входной двери, къ которой вело нѣсколько ступенекъ, показалась плотная краснощекая дѣвушка.—Номеръ сорокъ седьмой!—приказалъ ей лаконическій хозяинъ и, сказавъ это, онъ тотчасъ занялся какимъ то другимъ дѣломъ.

Берта повела новаго постояльца по деревянной, непокрытой ковромъ лѣстницѣ въ третій этажъ и проводила его черезъ длинный коридоръ въ маленькую комнату, съ однимъ окномъ. Комната была свѣтлая, чистая, но очень скромно меблированная.

Объяснивъ вновь прибывшему существующіе въ домѣ порядки, она принесла ему воды и затѣмъ удалилась. Повѣсивъ на стѣну ранецъ, онъ открылъ окно, запертое допотопной вращающейся щеколдой, и посмотрѣлъ въ даль. Его глазамъ представилось какъ разъ то мѣсто, на которомъ онъ только что передъ тѣмъ стоялъ. На лѣвой сторонѣ башни, сквозь промежутки развалившейся стѣны, виднѣлся заброшенный и весь заросшій бурьяномъ дворъ

замка, представлявшій собою картину полного запустѣнія.

— Ну, хорошо я попалъ! — подумалъ Вильгельмъ.

Онъ любилъ уединеніе и мечталъ о многихъ предстоящихъ ему пріятныхъ часахъ въ заброшенныхъ развалинахъ посреди свободно растущихъ тамъ бурьяновъ, въ обществѣ жужжащихъ насѣкомыхъ и весело чирикающихъ птичекъ.

Освѣживъ лицо холодною водою и перемѣнивъ тяжелые дорожные башмаки на болѣе легкіе, онъ быстро сошелъ внизъ, желая поскорѣе ознакомиться съ дикимъ дворомъ замка. Осмотрѣвшись хорошенько, онъ съ трудомъ нашелъ въ стѣнѣ трещину, на столько широкую, что сквозь нея можно было пролѣзть, и тотчасъ же привелъ это въ исполненіе. Онъ увидѣлъ передъ собою довольно большую и правильно распланированную площадь, всю покрытую буграми, глубокими котловинами и грудями обвалившагося камня. Площадь эта уже успѣла большею частью зарости лѣсомъ;—здѣсь преобладалъ смѣшанный и заглушающій другъ друга молоднякъ, но мѣстами отдѣлялись и стройныя ели, сучковатыя дубы и статныя буковые деревья, стоявшія большею частью около самой стѣны, на южной и западной сторонѣ площадки. Мѣстами выглядывали изъ - за кустарника голыя кучи вывѣтрившагося дикаго камня и цемента,

черезъ ихъ трещины пробивались длинныя стебли злаковъ и бѣлыя, желтыя и красныя цвѣточки. Спотыкаясь почти на каждомъ шагу, гдѣ ползкомъ, гдѣ перепрыгивая съ камня на камень, Вильгельмъ смѣло прокладывалъ себѣ путь сквозь эту глушь, которую онъ хотѣлъ измѣрить вдоль и поперекъ, чтобъ отыскать себѣ удобное мѣстечко, въ которомъ онъ намѣревался проводить большую часть своего времени, какъ вдругъ, подойдя къ отвѣсному обрыву, котораго ранѣе не могъ видѣть за кустарникомъ, онъ почувствовалъ, что почва исчезаетъ у него подъ ногами. Желая удержаться, онъ инстинктивно схватился за вѣтки кустарника, но только напрасно искололъ себѣ руки шипами: тонкія вѣтки не могли удержать его и онъ вмѣстѣ съ ними и въ сопровожденіи нѣсколькихъ глыбъ земли, вырванныхъ по дорогѣ кустарниками и скользящихъ камней скатился на глубину не менѣе двухъ сажень и очутился лежащимъ на небольшой, покрытой дерномъ площадкѣ.

Около него раздался испуганный возгласъ и подошедшая къ нему женская фигура спросила:

— Вы не ушиблись?

Вильгельмъ быстро вскочилъ на ноги, стряхнулъ съ платья землю и, поклонившись, сказалъ:

— Благодарю васъ, все обошлось счастливо. Маленькая неловкость съ моей стороны. Извините, кажется, я испугалъ васъ?—прибавилъ онъ.

— Немного, но это ужъ прошло.

Только теперь они посмотрѣли другъ на друга, и дама разразилась веселымъ смѣхомъ, между тѣмъ, какъ Вильгельмъ покраснѣлъ. Дама тотчасъ замолчала и, покраснѣвъ въ свою очередь, опустила глаза. Это была очень молоденькая дѣвушка, замѣчательно нѣжная, стройная, съ красивымъ миниатюрнымъ личикомъ, которому ямочки на щекахъ и живые каріе глазки придавали очаровательно плутовское выраженіе. Сквозь бархатистую нѣжную кожу щекъ просвѣчивала здоровая кровь, заявлявшая о себѣ и на пурпуровыхъ губкахъ. Открытый лобъ, обрамленный роскошными волнами золотисто-каштановыхъ волосъ, разсыпанныхъ, согласно современной модѣ, длинными локонами по плечамъ, былъ высокъ и красивъ. Единственнымъ украшеніемъ служилъ матовый золотой обручъ на головѣ. Платье ея было совсѣмъ простое изъ легкой матеріи съ цвѣточками, стянутое въ талии кушакомъ, кокетливо обрисовывавшимъ ея юный бюстъ.

Приличія, привитыя ей воспитаніемъ, одержали верхъ надъ естественнымъ порывомъ сочувствія, которымъ она встрѣтила такъ неожиданно свалившагося къ ней молодого человѣка, и теперь она поняла всю неловкость такого свободнаго разговора съ неизвѣстнымъ ей господиномъ.

Вильгельмъ понималъ и раздѣлялъ ея смущеніе. Желая выйти изъ неловкаго положенія, онъ вторично поклонился прелестной молодой дѣвушкѣ и сказалъ: